

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 378.22:316.343

МАГИСТРЫ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА, ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-СТРАТИФИКАЦИОННУЮ СТРУКТУРУ ОБЩЕСТВА

© 2008 г. С. А. Черноусова

*Южно-Российский государственный технический университет
(Новочеркасский политехнический институт)*

Проанализированы тенденции развития магистратуры в России, обосновано влияние магистратуры на формирование социальной структуры общества, рассмотрена роль магистров в социальной стратификации современного российского общества.

Ключевые слова: образование; социальная группа; социальная структура; социальный статус; магистерская подготовка; Болонский процесс.

The trends of MA courses' development in Russia are examined in this article. The influence of MA courses on society's development is also substantiated. The holders' of master's degree role in stratification of nowadays Russian society is examined.

Key words: education; social group; social structure; social status; master's degree; Bolonian process.

Одной из ключевых задач, требующих решения в процессе становления нового российского социума, является создание системы образования, которая была бы адекватна потребностям российской экономики и общества, и обеспечивала социализацию человека в быстро изменяющихся условиях. При этом формирование новых образовательных институтов должно способствовать росту уровня образованности и культуры россиян, качества подготовки специалистов, способных обеспечить выход на новые технологии, которые станут основой развивающегося постиндустриального общества. Необходимо осознание того, что в условиях жесткой международной конкуренции за обладание технологическими и интеллектуальными ресурсами, создающими основу развития общества, традиционные формы и содержание профессионального образования становятся недостаточными.

В развитых странах на протяжении XX в. происходило постепенное выделение науки в отдельную сферу профессиональной занятости. Многократно выросло число рабочих мест в наукоемких отраслях промышленности, уве-

личивалась потребность в высококвалифицированных работниках социальной сферы. Наряду с дифференциацией науки и углублением специализации развивались интеграционные процессы на стыке наук и смежных специальностей.

Ряд черт социально-экономического развития, характерных для мировых процессов, проявлялся в бывшем СССР и, соответственно, в России. Системный кризис российского общества двух последних десятилетий привел к тому, что в нашей стране за последние годы произошло сокращение числа рабочих мест в наукоемких отраслях промышленности. Состояние исследовательской сферы в значительной мере определялось состоянием отечественных отраслей-потребителей научной продукции. Это привело к резкому сокращению, а в отдельных случаях — к полному прекращению поступления заказов на работы, составлявших «портфель товаров» многих научно-исследовательских организаций.

Показательно число российских организаций, выполнявших исследования и разработки. За 1992–2004 гг. общее число организаций,

выполнявших исследования и разработки, сократилось примерно на четверть (3656 в 2004 г. против 4555 в 1992 г.). Однако наибольшее сокращение произошло среди конструкторских бюро (194 в 2004 г. против 865 в 1992 г.) и проектно-исследовательских организаций (всего 63 в 2004 г. против 495 в 1992 г.) — организаций, выполняющих разработки, предназначенные непосредственно для внедрения в производство.

Низкий уровень поддержки исследований и инноваций на федеральном уровне выражается в количестве имеющихся государственных научных центров: за последние семь лет оно осталось практически неизменным (1998 г. — 58, 2004 г. — 61), а численность работников основной деятельности в них сократилась (1998 г. — 75,6 тыс. чел., 2004 г. — 64,5) [1].

Число малых предприятий в отрасли «Наука и научное обслуживание» за рассматриваемый период уменьшилось почти вдвое (с 38,8 до 20,7 тыс. ед.), а численность занятых на них почти не изменилась (1998 г. — 146,3; 2004 г. — 141,6 тыс. чел.). При этом объем их продукции (работ, услуг) возрос без учета инфляции почти в 5 раз. Не менее показательна динамика численности исследователей по областям науки. Общая численность исследователей в 2004 г. составила 76,4 % от того же показателя в 1994 г. (401425 чел. против 525319 чел.). В сельскохозяйственных науках этот показатель составил 78 %, что можно признать «неплохим» результатом, так как в остальных областях науки сокращение было более существенным. Рост наблюдался лишь в области гуманитарных наук (8223 чел. в 2004 г. против 7996 чел. в 1994 г.).

За последние годы неуклонно снижалась доля финансирования науки из средств Федерального бюджета. Если в 1992 г. она составляла 0,5 % от ВВП, то в 2004 г. — лишь 0,28 %, что заметно ниже подобных показателей в развитых странах (не менее 1,55 % ВВП). При этом научно-технический и интеллектуальный капитал в России распределен по территориальному (межрегиональному) и ведомственному (межотраслевому) принципу, что накладывает некоторые ограничения на свободное обращение ИС, создание партнерств и в целом эффективную коммерциализацию.

Несмотря на постоянный рост ассигнований на гражданскую науку (2002 г. — 36,8 млрд руб.; 2003 г. — 46,9; 2004 г. — 55,4), темпы их роста с учетом инфляции отстают от темпов роста ВВП (2002 г. — 1,25; 2003 г. — 1,29; 2004 г. — 1,17 %) [1].

Структура затрат по видам источников финансирования исследований и разработок в России крайне медленно приближается к стандартам развитых стран. Последовательно растут затраты предпринимательского сектора (около 30 %) [2]. Растёт число иностранных источников (7,5 %). В распределении этих средств по видам деятельности основная доля — около 70 % приходится на предпринимательский сектор. Доля затрат на исследования и разработки в секторе высшего образования в России мала (около 10 %), в то время как в США она составляет 18 %, во Франции — 20 %, в Германии — 16 %, в Великобритании — 19 % [1].

Анализ структуры затрат по видам работ выявил ее устойчивость на протяжении последних 10 лет: практические разработки — около 70 %, прикладные исследования — 6,5, фундаментальные исследования — около 13,5% [1].

Некоторые авторы [3 и др.] достаточно обоснованно ведут речь о разрушении интеллектуального потенциала в наукоемких отраслях. При этом указывается, что в части фундаментальных наук и передовых технологий будущего Россия до сих пор сохраняет свой потенциал. Существуют и внутренние причины сокращения потенциала науки (уменьшение численности исследователей, объемов финансирования и др.), которые проявляются в снижении ее результативности — в меньшем количестве патентов, создаваемых новых технологий, публикаций в ведущих журналах и пр. Некоторой компенсацией потерь инновационного потенциала можно считать принятие правительством в 2005 г. решения о создании ряда особых экономических зон (ОЭЗ) по разработке и выпуску наукоемкой продукции.

Существенно то, что за последние годы в России произошла резкая и масштабная деинституционализация экономики, разрушившая многие связи предприятий с другими субъектами (в т. ч. — с исследовательскими организациями). По мнению Г. Б. Клейнера [4], одной из наиболее существенных потерь на этом пути стала ликвидация отраслевой структуры экономики, в результате чего большинство отраслей превратились в раздробленные совокупности хозяйствующих субъектов, конкуренция между которыми из сферы улучшения качества или снижения издержек переходит в «сферу борьбы за региональные привилегии». По мнению Е. Б. Колбачева [5], в этом выводе, верном по своей сути, упущен один важный момент: прискорбен не сам факт разрушения

отраслевых структур административного управления, а то, что предприятия, лишившиеся отраслевых каналов движения информации (в т. ч. — в части формирования этой информации в отраслевых НИИ), оказались неготовыми к вхождению в единую мировую информационную сеть. В результате этого были разрушены имевшиеся в обществе предпосылки формирования социального слоя квалифицированных специалистов науки и промышленности, которые могли бы составить основу среднего класса в современном российском обществе. Однако необходимо учитывать, что размеры среднего слоя в современном российском обществе очень невелики. Как показано в известных исследованиях [6, 7], средний слой в России занимает незначительное место и, по оценкам экспертов, не превышает 16–18%. Однако если сравнить статистические данные с субъективным восприятием своего социального статуса, то они существенно разнятся, так как люди не хотят признавать себя обездоленными, неспособными вписаться в новые реалии.

Среднему социальному слою приписывают такие критерии, как определенный уровень доходов, стандарты поведения и потребления, уровень образования, владение материальной или интеллектуальной собственностью, мощное влияние на политическую жизнь страны. Тем не менее условия российской действительности ставят под сомнение дееспособность среднего слоя, так как объективные (статистические) данные и субъективная оценка (самооценка) его социального положения серьезно разнятся. Ситуация интересна тем, что многие люди идентифицируют себя с этим слоем, хотя редко подходят под эту социальную группу по объективным показателям прежде всего по уровню доходов [7]. Как указывает Ж. Т. Тощенко [8, с. 226], «Наиболее тесная зависимость классовой принадлежности и классовой самоидентификации прослеживается среди возрастных групп и групп с различным уровнем доходов и образования. Чем младше респондент и чем выше уровень образования, тем больше вероятность его самоотнесения к среднему классу». Значительная часть магистров относится к средней возрастной группе и имеет высокий уровень образования.

Образование и квалификация как статусные характеристики, играют роль основы: 1) для повышения статуса; 2) для завершения учебы в престижных учебных заведениях, хотя этот

термин и не является, по нашему мнению, достаточно корректным, мы здесь имеем в виду наиболее общепризнанные, авторитетные, ведущие учебные заведения; 3) для обладания профессиональными навыками, умениями, которые подтверждены опытом [9]. В течение длительного исторического периода труд людей, обладавших образованием, давал преимущественное социальное положение, он выше оплачивался, открывал доступ к более высокому социальному положению и к общественным благам, привилегиям, почестям и главное — возможность приобщиться к функциям управления, что всегда означало (прямо или косвенно) причастность к господствующим слоям общества.

Эта проблема может быть решена, в том числе, благодаря формированию и развитию системы магистратуры в российских ВУЗах.

Ученая степень магистра впервые в России была введена императорским указом в 1803 году. Лица, получившие эту степень, имели право заведовать кафедрой. В 1819 году было утверждено «Положение о производстве в ученые степени», регламентирующее порядок сдачи экзаменов, защиты диссертаций и присуждение ученых степеней. С 1884 года в соответствии с Университетским уставом в России присуждались только две ученые степени — магистра и доктора наук. В 1917 году Декретом Совнаркома РСФСР ученые степени (магистра, доктора наук) ликвидированы, а в 1934 году ученые степени (кандидата, доктора наук) восстановлены. В 1993 году восстановлена степень магистра наук и начались создаваться магистерские направления и программы. Это было отражением общемировой тенденции, направленной на сопоставимость программ и дипломов высшего образования. Внедряя в жизнь принципы Болонской декларации, европейские страны, включая Германию, Швецию, Финляндию и другие, начали процесс реформирования своих систем высшего образования. В структуре современного российского высшего образования степень магистра следует по научному уровню за степенью бакалавра и предшествует степени кандидата наук. Эта степень отражает образовательный уровень выпускника высшей школы и свидетельствует о наличии у него умений и навыков, присущих исследователю, аналитику или начинающему научному работнику.

Сегодня во многих российских вузах открыта магистратура. Однако пока это явление

для современной России новое. Если в первые годы существования магистерских программ в постсоветской России акцент делался в первую очередь на научно-исследовательском и педагогическом компонентах образования, то после того, как осуществляемый в русле Болонской конвенции переход отечественной высшей школы к двухуровневому образованию стал свершившимся фактом, магистерские программы получили значительно большую свободу в выборе ориентации.

В условиях интеграции российской высшей школы в Европейское пространство высшего образования и в ходе очередного обновления Государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования представляется целесообразным и своевременным в очередной раз проанализировать тенденции развития магистратуры. Согласно государственной статистике, в российских вузах обучаются лишь меньше одного процента студентов-магистрантов от общего числа студентов. Так, в 2005 г. из 1147,4 тысяч выпускников вузов России диплом специалиста получили 1051,7 тыс. чел. (91,7 %), диплом бакалавра — 84,6 тыс. человек (7,4 %), а диплом магистра 11,1 тыс. чел. (0,97). Вместе с тем в ведущих вузах России накоплен определенный опыт реализации программ подготовки магистров, который позволяет говорить «в целом» о степени успешности, эффективности и привлекательности магистратуры как образовательного института в структуре российской высшей школы [10].

Магистры должны владеть в своей области новейшими методами и техниками исследования, знать новейшие теории и их интерпретации; критически осмысливать развитие теории и практики; владеть методами независимого исследования и быть в состоянии внести оригинальный вклад в дисциплину, например, в рамках квалификационной работы. В соответствии с «Положением о магистерской подготовке в системе многоуровневого высшего образования Российской Федерации» магистерская подготовка открывается по направлениям высшего образования в высших учебных заведениях, располагающих высококвалифицированными кадрами и современной лабораторно-исследовательской базой [11], что в условиях кризиса высшего образования в России во многих случаях является затруднительным.

Эффективное развитие магистратуры требует осмысления этого феномена и его места в

современной России. Для этого подробно рассмотрим место магистров в обществе, проанализировав их как социальную группу.

Уже несколько десятилетий проблема взаимодействия людей в рамках объединений, возникающих формальным или неформальным образом, находится в центре внимания исследователей различных наук и школ, особенно — социологов и психологов. В современной социологии существуют различные теории социальных групп. П. Штомпка [12] описывает составленный американским социологом Робертом Мертоном список признаков, характерных особенностей групп. Первый критерий — это численность группы, далее — продолжительность деятельности группы и соответствующая этой продолжительности прочность группы. Третье, очень важное направление классификации групп — это способ рекрутирования членов. Четвертый критерий, позволяющий различить виды групп, существенно отличающиеся друг от друга, касается интенсивности участия. Пятый критерий классификации касается той выгоды, которую приносит отдельному человеку членство в группе. Некоторые группы оцениваются и трактуются отдельными людьми чисто инструментально, так что участие в них должно приносить какую-либо выгоду, выходящую за рамки самого участия. Группы должны в таком случае помочь реализовать какие-либо цели, направленные вовне, отличающиеся от целей самого по себе участия в группе. Шестой критерий касается уровня организованности группы. Организованные, формальные группы — это конгломераты взаимосвязанных социальных статусов. В таких группах, следовательно, мы участвуем как некий безымянный, безличностный персонал, занимающий определенные позиции и выполняющий тем самым определенные роли. Наши личные особенности, достоинства и недостатки, если только они не связаны напрямую с выполняемыми ролями, не имеют для группы никакого значения. Седьмой критерий классификации групп переносит нас в ту субъективную сферу, под которой мы имеем в виду субъективные отношения индивида к группе. Разумеется, сама принадлежность к группе — это объективный факт, свидетельством которого в формальных организованных группах могут служить заявления о приеме, списки членов, членские билеты, а в неформальных группах — фактическое участие того или иного лица в групповой актив-

ности, контакты и взаимодействия с другими членами данной группы. Группы, к которым объективно принадлежит какой-либо человек, мы называем группами членства. Группа, которая представляет для нас существенный интерес, которую мы наблюдаем или к которой себя причисляем, начинает оказывать на нас определенное влияние, формирует характер нашего мышления и поведения. Относясь к ней субъективно, мы тем самым как бы открываем двери для ее воздействия на нас, даем ей возможность формировать нас. Прежде всего она поставляет нам те стандарты, которые позволяют производить сравнительную оценку наших собственных достижений, что может оказывать мобилизирующее влияние на мотивацию нашего поведения и вытекающие из этой мотивации действия [13]. Когда молодой ученый (аспирант, магистр) принимает за свою позитивную референтную группу заслуженный, прославленный коллектив исследователей, в который входят нобелевские лауреаты, это становится сильнейшим стимулом для его собственных усилий и может существенно способствовать его научной карьере.

Общество рассматривается как совокупность различных пересекающихся групп людей, которые являются разновидностями какой-то одной доминирующей группы. Социальная группа — это совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют друг с другом в некоторой деятельности, осознают свою принадлежность к данной группе и считаются, с точки зрения других людей, членами этой группы [14]. Для возникновения группы необходима внутренняя организация, цель, конкретные формы социального контроля, образцы деятельности. Распределение людей по группам имеет важное значение для понимания сущности и содержания социальной структуры. При этом организация группы может быть формальной или неформальной в зависимости от ее целей и задач. По степени приближенности к человеку и влияния на него группы делятся на первичные и вторичные. Первичная — это, как правило, небольшая группа, члены которой хорошо знают друг друга или большинство из ее представителей. Такая группа оказывает весьма сильное влияние на человека, входящего в ее состав, а отношения в группе являются тесными и зависимыми друг от друга. В свою очередь, вторичная группа более многочисленна и образуется из людей, между которыми почти отсутствуют эмо-

циональные связи, их взаимодействия обусловлены стремлением к достижению определенных целей. В этих группах основное значение придается не личностным качествам людей, а их умению выполнять определенные функции.

Магистров, на наш взгляд, можно отнести ко вторичной социальной группе. По определению, это профессионалы высокого уровня, обладающие теоретическими, аналитическими, прикладными знаниями и навыками, способные быстро адаптироваться к условиям современного российского и международного бизнеса, правильно, эффективно и технологично оценивать его и действовать, добиваясь успеха в выбранном направлении деятельности. Магистр — это профессионал-практик, грамотный исследователь, способный участвовать в формировании экономических, управленческих систем современного общества, требующих наукоемких технологий, вести прикладные исследования в выбранной области науки — и впоследствии стать кандидатом и доктором наук, аналитик, понимающий и умеющий правильно оценить рыночные, политические, управленческие, социальные процессы во всей их глубине и системе взаимосвязей.

Понятие стратификации дает возможность измерять характеристики людей, социальных групп, слоев, общностей с целью их сравнения, сопоставления их положения в различных странах и внутри одной страны и определения степени социальных различий между ними. Иными словами, социальные различия становятся социальной стратификацией, когда группы людей выстраиваются иерархически вдоль некоторой шкалы неравенства, которое открывает (или не открывает) доступ к более широким социальным возможностям, социальным и политическим ресурсам [15].

Важно понимание роли магистров в социальной стратификации современного российского общества. Основой социальной стратификации является разделение общественного труда между людьми, составляющими какую-либо общность, а также возникновение института частной собственности и связанной с ним возможности накопления богатства и приобретения власти.

Происходящее в XX веке явное разделение труда на материальную и духовную сферы влекло за собой и расслоение в сфере образования и культуры, а следовательно, и в способе удовлетворения духовных потребностей. Наряду с

процессами расслоения общества на профессиональные, территориальные, национальные, религиозные общности шли процессы формирования имущественного неравенства, связанные с характером распределения собственности, что позволяло ее обладателям в большей степени, чем неимущим, обретать политическую власть. Таким образом, в обществе формировалась социально-экономическая и политическая элита — высший привилегированный слой общества, что в значительной мере повлияло и на все другие виды неравенства: образовательного, культурного и т. д. [16].

В контексте нашего исследования представляют интерес перспективы продолжения этих процессов в современной России и возможности магистратуры в конструктивном управлении ими.

Разделение общества влечет за собой формирование не только экономических, политических, но и профессиональных интересов. Так как научно-технический прогресс предъявляет все более высокие требования к компетентности человека, в развитых странах стал формироваться слой населения, обладающий весьма высоким уровнем знаний, необходимых для работы как в материальной, так и духовной сферах.

Анализ трудовой деятельности магистров на Западе показал, что они сравнительно быстрее продвигаются по службе, им поручают наиболее сложные и ответственные участки работ. Опыт трудовой деятельности магистров-выпускников современных российских ВУЗов невелик, он кратко описан в ряде известных исследований [17].

Кроме того важно ответить на вопрос: способна ли современная российская магистратура обеспечить формирование такого социального слоя. Для этого целесообразно проанализировать государственные образовательные стандарты. В стандартах 2000 г. для подготовки специалиста (инженера) предусматривалось отвести на гуманитарные и социально-экономические дисциплины (ГСЭ) — 1800 часов, естественно-научные (ЕН) — 1923, общепрофессиональные (ОПД) — 2491, специальные дисциплины (СД) — 1598 часов. Образовательные стандарты 2000 г. для подготовки бакалавров предусматривают: ГСЭ — 1800, ЕН — 2125, ОПД — 2227, СД — 742 часа. Как видно в первом случае специальные дисциплины составляют 20 % от общего числа часов, а во втором только 10 %, то есть в два раза

меньше. Существующие стандарты для подготовки специалиста предусматривали 153 недели теоретического обучения и 14 недель практик. В том числе 4 недели учебной практики, 4 недели производственной практики и 6 недель преддипломной практики. На подготовку дипломного проекта отводилось 16 недель. Таким образом, практики и дипломное проектирование составляли 30 недель или 1/5 часть теоретического обучения. Это давало возможность подготовить специалиста, хорошо знающего производство, его оборудование, процессы, организацию. Для подготовки бакалавров предусматривают 136 недель теоретического обучения, 8 недель практик, на подготовку дипломной работы отводится 6 недель. Всего практика с работой занимает 14 недель или 1/10 часть теоретического обучения. Как видно из простого сопоставления объемов времени, на ознакомление с производством бакалавру отводится в два раза меньше времени, чем специалисту (инженеру). Если специалист-инженер готовил дипломный проект 4 месяца, то бакалавр свою работу должен выполнить за 1,5 месяца. В первом случае студент, выполняя работу, получал полноценную тренировку для своей предстоящей деятельности, во втором случае, это могут быть лишь отдельные фрагменты, базирующиеся на его относительно небольшой по объему подготовке по специальным дисциплинам. Такое простое сопоставление чисел показывает, что опасения работодателей относительно недостаточной подготовки бакалавров являются вполне обоснованными. В отличие от бакалавриата стандарт на подготовку магистров предусматривает дробление на магистерские программы; изучение общенаучного и профессионального циклов дисциплин, практику и научно-исследовательскую работу, а также итоговую государственную аттестацию. Каждый учебный цикл имеет базовую (обязательную) часть и вариативную (профильную), устанавливаемую ВУЗом. Вариативная часть дает возможность расширения и углубления знаний, умений, навыков и компетенций, определяемых содержанием базовых дисциплин, позволяет студенту получить углубленные знания, навыки и компетенции для успешной профессиональной деятельности и (или) обучения в аспирантуре.

Реализация компетентностного подхода предусматривает широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных

форм проведения занятий (семинаров в диалоговом режиме, дискуссий, компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбор конкретных ситуаций и т. п.) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся. Одной из основных активных форм обучения профессиональным компетенциям, связанных с введением того вида деятельности, к которому готовится магистрант (научно-исследовательской, научно-педагогической, проектной, опытно-конструкторской, технологической, творческой), для магистратуры является семинар, к работе которого привлекаются ведущие исследователи и специалисты-практики. Следовательно, магистерская подготовка является более детализированной и привязывается к конкретным областям практической деятельности выпускника. Здесь возникает вопрос о выборе этих областей. Если бакалавр является своего рода «интеллектуалом широкого профиля», готового присоединиться в качестве стажера к любому производству, то магистр — человек уже выбравший свое прикладное направление и мотивированный на нечто конкретное. Магистр, это уже определившийся работник — узкий специалист, который на базе заложенного по специальным дисциплинам фундамента готов решать сложные производственные вопросы. Будущий магистр проходит практику на своем предприятии, работает с конкретным оборудованием и решает конкретные производственные задачи. Его магистерская диссертация — это решение сложной, но узкой проблемы предприятия. Здесь заметна сильная мотивация, процесс обучения идет более успешно. Если исходить из существующего сегодня положения дел, то стандарты предписывают подготовку магистров, как научно-педагогических работников. Очевидно, что таких требуется сегодня не много, не более одной пятой части всех выпускников. Подавляющая часть их идет на промышленные предприятия с хорошей оплатой труда и там они востребованы. Магистры — это продвинутые инженерные работники. Магистр обучается как аналитик, практик, методолог, способный работать в своей специализации с широким кругом задач, это универсальный специалист, готовый к продолжению обучения с целью углубления полученных знаний.

Таким образом, система магистратуры должна способствовать формированию социальной структуры общества, в которой люди, име-

ющие глубокие профессиональные знания, имеют возможность занять высокий социальный статус в условиях свободной конкуренции.

Литература

1. Наука России в цифрах 2005.— М.: ГУ «Центр исследований и статистики науки», 2005.
2. Российский статистический ежегодник. — М.: Федеральная служба государственной статистики, 2005.
3. Соколин Б. М. Антикризисная экономика России: Начало тысячелетия. — СПб.: Лики России, 2000. — 312 с.
4. Клейнер Г. Предприятие — упущенное звено в цепи институциональных преобразований в России // Проблемы теории и практики управления. — 2002. — № 2. — С. 22–26.
5. Колбачев Е. Б. Управление производственными системами на основе совершенствования и развития информационно-экономических ресурсов. — Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2003. — 496 с.
6. Беляева Л. А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа. // СОЦИС.— 2005.— № 12.
7. Попова И. П. Средние слои, средний класс в российском обществе — к проблеме соотношения // СОЦИС.— 2005.— № 12.
8. Тощенко Ж. Т. Социология. — М.: ЮНИТИ, 2005.
9. Колесников Л. Ф. и др. Эффективность образования. — М, 1991.
10. Магистратура в структуре российской высшей школы // Советский физик/Моск. гос. ун-т [Электрон. ресурс].— М., 2008. — URL: <http://www.Phys.msu.ru/rus/about/sovphys>.
11. Об утверждении положения о магистерской подготовке (магистратуре) в системе многоуровневого высшего образования Российской Федерации: Постановление Госкомвуза Рос. Федерации от 10 августа 1993 г. № 42// Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств РФ. —1993. —№ 11.
12. Штомпка П. Социология социальных изменений. — М., 1996.
13. Merton R. K. Teoria socjologiczna i struktura spoleczna.— Warszawa: PEN, 1982.— S. 362–374.
14. Харчева В. Г. Основы социологии.— М.: Логос, 2003.

15. Вебер М. Основные понятия стратификации//СОЦИС.– 1994. №5. – С. 169–183

16. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: пер. с англ. — СПб.: Бизнес-пресса, 1998.

17. Магистратура в вузах России /В.В. Балашов, Д.К. Захаров, Г. В. Лагунов, А. М. Ля-

лин, А. И. Момот, А. Г. Поршневу, В. С. Румянцев, Ж. Г. Свешникова, В. С. Сенашенко, Н. Р. Сенаторова, Ю. Л. Старостин, Ю. Н. Фролов, Ю. В. Шленов //Экономическое образование.– М., 2003.

Поступила в редакцию

10 октября 2008 г.

Светлана Александровна Черноусова — ассистент кафедры «Экономика и управление предприятием» ЮРГТУ(НПИ).

Автор ряда работ по проблемам экономики и социологии труда, образования и управления персоналом.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
Тел.: (8635) 25-51-54, e-mail: lana27ch@mail.ru

Svetlana Aleksandrovna Chernousova — assistant lecturer of «Economics and production management» department of SRSTU (NPI).

Author's numerous works describe the problems of economics and sociology of labour, education and staff managing.

Prosveshcheniya st. 132, 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia